

Анна Мар

Тебе единому согрешила

Анна Мар

Тебе единому согрешила

«Public Domain»

Мар А. Я.

Тебе единому согрешила / А. Я. Мар — «Public Domain»,

«На десерт принесли незрелые персики. Как, опять то же самое? А где же обещанный пломбир? Мужчины стучали ножами по бокалам, дамы улыбались. Требовали мадам Гюншэ из кухни. Несмотря на ее запрещение, кто-то поднял шторы и раскрыл окна, выходящие на rue Mont-Blanc. Донеслась безвкусная швейцарская музыка. Мимо маршировал один из отрядов какой-то корпорации с флагами и барабаном, сопровождаемый мальчишками. Публика останавливалась и улыбалась...»

Содержание

Глава первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Анна Мар

Тебе единому согрешила

Глава первая

На десерт принесли незрелые персики. Как, опять то же самое? А где же обещанный пломбир? Мужчины стучали ножами по бокалам, дамы улыбались. Требовали мадам Гюншэ из кухни. Несмотря на ее запрещение, кто-то поднял шторы и раскрыл окна, выходящие на rue Mont-Blanc. Донеслась безвкусная швейцарская музыка. Мимо маршировал один из отрядов какой-то корпорации с флагами и барабаном, сопровождаемый мальчишками. Публика останавливалась и улыбалась.

Все бросились из-за стола. Только Мечка Беняш и элегантная француженка пожали плечами.

– Поминутно одно и то же... Это смешно, наконец, – пробормотала парижанка, спокойно очищая персик.

Из кухни явилась мадам Гоншэ, багровая от плиты и ярости. Ее черное шелковое платье, слишком узкое и в пятнах, пропахло соусами и супами. Она двусмысленно пошутила с коммивояжером. Это очень понравилось. К ней потянулись чокаться. Милая, очаровательная мадам Гоншэ. Все решили, что она кормит необыкновенно хорошо. Она обратилась к бледной Мечке:

– Я видела вас вчера в Notre Dame de Râquis... пели дивно... не правда ли?

– Вы бываете в костёле? – удивилась француженка, – но это смешно.

Коммивояжер возился с зубочисткой, стараясь подавить икоту.

– В костёл ходят только старики, дети и истерички, – заявил он.

Молодая бельгийка, носившая в ушах поддельные жемчуга, громко рассмеялась. Она ждала ответа Мечки и, забывшись, положила на скатерть свои крупные красные руки. Ее маленькая дочь серьезно слушала спор. Мечка не сказала ни слова. Коммивояжер бранил духовенство. Мадам Гоншэ находила, что без религии нравы были бы чересчур распущены. Француженка жаловалась на лицемерие во Франции.

– Ну... ну... – примирительно вмешалась бельгийка, – без Бога не будет удачи... Идем домой, Силли...

Она потащила малютку-дочь за руку, как куклу, гордо выпячивая пышную грудь.

Теперь в столовой остались Мечка и мадам Гоншэ. Мечку охватила болезненная лень. Она машинально перебирала концы своей траурной вуали. Две горничные в высоких белых чепцах уносили посуду. Мадам Гоншэ перестала; улыбаться, закрыла окна и приводила в порядок букеты тюльпанов.

– Дамы растаскивают цветы, – жаловалась она, – ах, боже мой, я до сих пор не сдала комнат... Я хотела бы найти иностранку без профессии. Уверю вас, они – единственные, которые еще могут платить.

И бросая любопытный взгляд на изящный костюм Мечки:

– Вы, – такая милая, скромная... я была бы счастлива...

– О... У меня нет средств для вашей квартиры, мадам Гоншэ, и потом я всегда предпочитаю отель...

Швейцарка согласилась. Она сказала несколько сочувственных слов по поводу траура Мечки.

Молодая вдова... Второй год... О, это несчастье! Хорошо еще, что мадам не имела детей. Что же касается ее туберкулеза, то кто теперь не болен туберкулезом. И, наконец, все доктора мошенники и им не следует верить.

Снова на улице играла музыка. Из коридора доносились пронзительные голоса прислуги.

Спускаясь по лестнице, Мечка держалась за перила, боясь головокружения. Для яркой весенней улицы она была слишком печальна. Ее тонкое, правильное, очень бледное лицо освещалось безнадежно-усталыми синими глазами. Волосы, светло-золотистые у висков, к затылку

переходили в пламя. Пряди их были тонки, мягки и плоски. Ветер вздымал ее креп. Она подолгу останавливалась у витрин. Нитка громадных аметистов восхитила ее, а цветы за стеклом привели в мечтательное настроение.

Около Роны она тоже задержалась дольше, чем нужно. На острове Руссо в грязной воде кормили грязных лебедей. Она напрасно хотела найти их поэтичными. Мечка вспомнила хвастливого, тщеславного и фальшивого философа, которого ненавидела. Его «Новая Элоиза» казалась ей кощунством перед истинной великой Элоизой.

Медленно Мечка свернула к главной почте, где выдавали письма до востребования. Здесь она присела на одну из скамей, дожидаясь очереди. За решеткой мелькали чиновники. Они перебрасывались между собою словами, улыбками, жестами, равнодушные к публике, механически – точные. Один из них, самый молодой, белокурый, голубоглазый, краснел при виде Мечки. Она спросила его как-то:

- Ваше имя, месье?
- Жан Биоро, мадам.

Ей стало грустно от его растерянной улыбки. Разве можно полюбить с первого беглого взгляда? Она думала, что это ужасно, и белокурый чиновник смушал ее в свою очередь.

Сейчас она заметила ксендза Игнатия Рафалко и Костю Юраша. Первый был настоятелем в Н-ске, где постоянно жила Мечка, второй – там же учеником музыкального училища.

С ксендзом Игнатием у Мечки вышла зимою маленькая размолвка, когда он набрал всякую шуштуру в костельный хор, и когда эти размалеванные девки шумели даже во время освящения Даров. С тех пор у них были натянутые отношения. Кроме того, он не внушал ей ни малейшего доверия, этот худой, малого роста ксендз с негритянскими губами, черствый, лживый и замкнутый. Он казался ей опасным человеком для религии, способным оттолкнуть от костёла самого терпеливого неопита. Его живые, циничные глаза менялись, – то были совсем черные, то желтые, искрящиеся, как пиво. Пел он мессу гнусавя, причем голова, плечи и все тело нервно подергивалось.

«Бедняга скрытно развратен, – равнодушно подумала Мечка, – но он все-таки пойдет далеко, ибо лебезит перед епископом. И еще то хорошо, что он пресмыкается перед богатыми, сидит всегда дома, а перед викарными ходить с молитвенником». И она продолжала размышлять, глядя на кончики своих туфель:

«Я близка к религиозности. Если бы я знала, что ксендзы Игнатии реже встречаются, дело моего обращения пошло бы скорее. О, разумеется! Но эти жалкие комедианты убивают веру в зародыше и делают смешной даже тоску по ней».

Ксендз Игнатий и Юраш подошли ближе. Они поздоровались и обменялись обычными любезностями, жалуюсь на пыль и скуку Женева.

Костя Юраш кокетливо обмахивался шляпой. Он был высок, широкоплеч, гибок. Его темные, красивые глаза смотрели ласково и распутно. Он грубо подвел брови, ресницы и напудрился.

Ксендз Игнатий часто обращался к Юрашу. На миг Мечку поразила его интонация, сладкая до приторности и заискивающая. Они поговорили о новостях своего города. Оказалось, что с осени при костёле в Польском Доме откроется театр «Синий топаз».

- «Синий топаз»? – удивилась Мечка, – но, значит, это не театр, а кабаре.
 - Да, разумеется, кабаре, – слегка смутился ксендз Рафалко.
 - Маленький балаганчик, который прогорит через месяц, – насмешливо заявил Юраш, – сбор хулиганов... Впрочем, антрепренер Ружинский – мой друг.
 - Вы очень строги, – вкрадчиво возразил ксендз Игнатий, – там есть милые люди...
- Мечка была вне себя от изумления. Кабаре... Русское кабаре при костёле.
- Как вы могли разрешить? – возмущенно воскликнула она.

Ксендз Игнатий востепенулся. Это не он... костельный совет... синдики... Впрочем, он лично также находит, что кабаре нужно покровительствовать. Кабаре заплатит хорошую аренду Польскому Дому, на котором долги. И, обидевшись, настоятель распрощался.

Биоро смущенно поклонился Мечке. Кто-то сказал громко:

– Courage, mon ami!

Он выдал письмо Мечке. Оно было от поэта Улинга, собиравшегося стать знаменитостью, и начиналось так: «Я приобщился к тайнам мира знакомством с вами. Я жду вас нетерпеливо и страстно».

Далее поэт писал в свою очередь о кабаре «Синий топаз». Пусть только Мечка скорее, возвращается в Н-ск, дело ей найдется.

Около озера Мечка взяла экипаж и поехала к Chemin de la Roseraie, мимо кокетливых вилл, с не менее кокетливыми названиями: Lora, Mon doux repos, Lilas bleu.

Усталые глаза отдохали на зелени, на голубом акварельном небе, на красных черепичных крышах. С веранд, увитых диким виноградом и мелкими яркими розами, смотрели женщины и дети. Встретились две монахини в голубых одеждах с белыми головными уборами, как две гигантские трепещущие бабочки.

Каждые четверть часа костельные куранты медленно пели и направо и налево, и там за виллой, и еще где-то.

Но это только так казалось. Куранты были на костеле св. Антония.

Мечку охватила истома. Она откинула креп, с наслаждением подставляя лицо упругому ветру. Если бы взять жизнь, как одно празднество... если бы жить легко и просто.

«В сущности, я не христианка, – думала Мечка, – один умный ксендз назвал меня сектанткой несуществующей секты... Я верю в Бога, но не верю в загробную жизнь. Даже бледная надежда на вечность возмущает меня. Смерть без воскресения, по-моему – высшая награда для человека. А догмат Троицы? А сходство христианства с иными религиями? А таинство брака? Брак, как таинство, я отрицаю особенно решительно. Я не вижу ничего мистического в физическом сближении полов».

Потом в ней поднялись возражения.

«Ах, все это можно внушить себе! И таинства, и догматы, и обряды, и подлинность Евангелия, и достоверность экстазов св. Терезы. Да, конечно внушить. Привычка станет убеждением. А главное, это то, что она жаждет верить, жаждет быть настоящей католичкой».

Ирония загорелась у нее в глазах.

«Хочу душевного комфорта, что же».

Экипаж катился все быстрее по узкой аллее, убитой щебнем и красным песком. Густой аромат сирени здесь был особенно явственен. Солнце, ветер, мелькание вилл и людей уже утомляли Мечку. Она ехала дальше, часто кашляя, думая о своем тяготении к католицизму и слегка возмущаясь против него. Разумеется, это душевная неудовлетворенность, неудачи супружеской жизни, страдания тела заставляли ее искать утешения в мистицизме. А, может быть, потушенная чувственность загоралась в ином виде. Теперь было модно смешивать религию с полом... почему она знала?.. Да и была ли она, Мечка, мистичкой? Ведь все дело шло о красоте. Красота католичества покоряла ее. Католичество было не только религией, но и искусством, утонченным порывом в отвлеченность. Пища для души здесь изысканна, легка и ароматна. Наслаждения души – упоительно разнообразны. Католичество носило венец мученичества. Католическая церковь, истинная невеста Иисуса, была вечно распятой, вечно преданной. Ватикан горел единственной звездой на фоне темной повседневности, верный девизу гениального папы Льва XIII «Lumen in coelo». Ах, эти слова, будто выкованные из золота и драгоценных камней! Уже за одно папство, за великое, блистательное, изумительное папство Мечка фанатически любила римскую церковь.

– Если христианство – то католичество, – решила Мечка.

Губы у нее запыхали и глаза расширились. Смертельно бледная, она мечтала о голосе, который поет в Notre-Dame de Râquis, и потом снится ей.

Экипаж крупной рысью вернулся к отелю, где жила Мечка. Месье Жорж, молодой лакей, не спеша поднялся со стула.

– А... Мадам вернулась?

Он смотрел на нее весело и нагло. Она молча прошла мимо.

– Ба!

Месье Жорж пожал плечами.

* * *

По утрам Мечка всегда бывала дома. Она пила шоколад, медленно одевалась, читала газеты, отвечала на письма. Слабый румянец окрашивал ее лицо. После завтрака она с наслаждением бродила по улицам, часто злоупотребляя расстоянием, не обращая внимания на погоду, наблюдая тайно и людей, и животных, и небо, и горы, и сады, и витрины, и воду озера.

У Роны она могла простоять часами.

Потом у мадам Гоншэ за table d'hôte'ом она находила забавное зрелище людей различных профессий, сменявшихся беспрестанно. Она заметила, что и тут мужчины оказывались интереснее женщин.

Потом наступал час, когда в каком-то экстазе она обходила все костёлы. Из них костёл Священного Сердца Иисуса, густого, красного тона, немного странный, немного жуткий, производил на Мечку огромное впечатление. Notre Dame de Râquis был банален, скорее похож на концертную залу, приотившийся среди домов, как часовня. Но тут чудесно пели и здесь часто служил епископ. Здесь же она видела свою любимую церемонию – торжество первого причастия детей. Она осталась недовольной. По ее мнению, оно протекло чересчур заученно. Воздушные белые вуали, воздушные белые платья, белые цветы причастниц придавали им вид новобрачных. Он чинно и красиво складывали свои руки, оплетая пальцы нитями четок. Маленькие джентльмены громко повторяли «Отче наш» за аббатом, постукивающим легонько по молитвеннику. Красное одеяние епископа оттеняло слоновый цвет его кожи. Какая-то молодая мать протискалась к нему и высоко подняла ребенка. Епископ благословил его отдельно. Это растрогало всех.

Ежедневно Мечка шла по rue Servette к костёлу св. Антония Падуанского, хотя не совсем долюбивала этого знаменитого святого, которому молятся об утерянном, и который кажется приторным с Младенцем, книгой и лилией. На нее смотрели из маленьких магазинчиков. Потом ей стали ласково кланяться.

За костельной оградой обыкновенно резвились дети. Молодой болезненный аббат устало следил за ними. Их водили и на все службы. Они роняли молитвенники, платки, четки, шептались, толкались, смеялись и отвлекали взрослых.

Иногда какая-нибудь старая дама вставала и дергала ребенка с громким негодованием. Тогда на эту сцену смотрели неодобрительно верные и даже аббат. Что могли понимать маленькие, розовые, счастливые животные около алтарей, залитых слезами?

Ни в одном женевском костёле не было столько света и цветов, как у св. Антония. Аромат чувствовался еще у двери. В притворе Мадонны Непорочное Зачатие расцвел целый сад. Св. Антонию также не приходилось завидовать. Около него розы мешались с тюльпанами, лилии с ирисами, азалии с сиренью. Целые охапки жасмина увядали с ветками шиповника. Огромные рододендры затемняли скромные мирты. Здесь всегда горели свечи, невинные жертвы молящихся.

Старая сакристианша выдавала их бережно из светлого шкафчика, бормоча:

– Que Dieu vous bënisse, mon cher enfant!

Вечерня шла днем и поэтому для Мечки теряла половину своей прелести. Кроме того, латинский язык, чудесный язык пап, Фомы Аквината и Альфонса Лигури, аббат и хор произносили на французский лад. Это было нестерпимо порой. Мечка садилась на скамью.

Каждый раз она находила здесь что-нибудь новое, – или световой эффект, или иное выражение у Мадонны, или иначе положенное покрывало на алтаре. После нескольких страниц странно-волнующего молитвенника, после унылых псалмов Давида, Мечка впадала в мучительное состояние.

Тысяча протестов, возражений, возмущений рвали ее сердце. Она вспоминала жизнь Иисуса шаг за шагом, и Он не совсем нравился ей. Она находила Его уклончивым, нерешительным, беспомощным, чересчур покорным. Она страдала от Его наивных добродушных притч, голодных, грязных учеников, бесплодных споров с фарисеями. Она не могла понять Его холодности к Матери и благосклонности к Иоанну. Она недоумевала перед девственностью этого христианского Бога, которого так страстно любила Магдалина. Его девственность казалась ей вынужденной, неприятной, как презрение к женщине. О, евангельский Иисус!.. Снова она испытывала к Нему больше жалости, чем любви. Она была оскорблена молчанием у Пилата. – «Что есть истина?» За этот усталый скептический вопрос она прощала римлянину смерть Иисуса.

И Его Распятие она хотела представить себе не по Евангелию, а по картине одного художника. Узкая дорога среди камней и травы. Наскоро срубленный крест. Христос умирает на нем медленно, в полном сознании, одинокий, аскетический Христос, Христос – нищий безумец. О, красота! этой смерти без стражи, без толпы, без слащавого Иоанна, истеричной Магдалины! О, красота смерти без слов, без надежды, без воскресения и упреков к небу! Зачем евангельский Иисус умирал иначе?

Неожиданно в ней подымалась нечеловеческая тоска по чему-то высшему, неуловимому и прекрасному, чего не давали алтари. Тоска сменялась надеждой. Ведь Бог Иисус был здесь, вместе с ней. Еще сегодня утром верные приняли Его в белоснежной облатке во главе с аббатом. Ей стоило только преклонить колени перед конфессионалом, и она соединится с Богом. Она упрекала себя за ложное смирение, излишний страх перед Евхаристией. Ей хотелось походить на тех сладких девок, которые хвалят Иисуса и Марию тоном старых знакомых. Она упорно смотрела на алтарь, еле различимый в сумерках, и на аббатовъ, белевших комжами в конфессионалах, и на молящихся, угадывая их профессию по позам.

У исповедален женщины терпеливо ждали своей очереди. Она представляла себе все сплетни и кухонные доносы, грязные подробности их грехов, которые те бросали в ухо аббата. Ее пронизывала дрожь отерашеша. С жестом усталости и отчаяния она захлопывала молитвенник.

– Нет, нет, я не могу!

И почти сейчас же вслед за этим она умоляла Бога простить ей грешные мысли. Лурдская Мадонна выслушивала взрывы ее жалоб с неопределенной улыбкой. Св. Антоний был занят Младенцем, книгой и лилией, и Мечка не улавливала его выражения. Она начинала успокаиваться и чувствовать себя почти обращенной. Увы, сердцем больше.

Из костёла Мечка шла освежиться в Английский сад. Часто головокружение мешало ей смотреть на синеватый абрис гор и колеблющееся стекло озера. Ее раздражала праздничная публика, целые стада детей с боннами, шум моторных лодок, веселенькие флаги яхт, говор, смех, музыка, зеленые скамейки.

Она возвращалась в отель. Здесь тишина, цветы, книги, любимые примятые подушки на кушетке скоро успокаивали ее. Она спрашивала себя не без иронии:

– Быть может, для того, чтобы мои вкусы изменились, мне нужно есть бифштексы у мадам Гоншэ?

В эти минуты она, подобно всем женщинам, мечтала о любви и желала ее. До сих пор мужчина не играл в ее жизни никакой роли. Ее брак был корректен и скучен. Когда этот толстый коммерсант умер от удара на скачках, она холодно удивилась. Наследство от него приняла сконфуженно, как от постороннего. И она никогда не вспоминала покойного.

В релипозных книгах слово «любовь» повторялось ежеминутно, только окропленное святой водой и благословленное рукою аббата. И она представляла себе любовь религиозным экстазом. Целовать, это было – то же, что слушать псалмы, литанию Девы Марии или в посту слова вечерни: *In manus tuas, Domine, commendo spiritum meum...*

Эти мысли разбивали Мечку. Они опьяняли голову жаждой духовных наслаждений, а тело – нездоровым томлением.

* * *

Мадам Гоншэ подкараулила Мечку еще на лестнице. Она протянула две визитные карточки.

– *Bonté divine*, я сдала комнаты... Прочтите фамилии... Они – ваши соотечественники.

– Ивон Лузовский. Тэкли Лузовская. Я знаю их. Они из моего города, – сказала Мечка.

Она вошла в столовую, улыбаясь. Путешествие приучает к неожиданностям. Лузовские не удивились. У Тэкли были большие темные глаза, нежный цвет лица и шляпа, подвязанная у подбородка. Около нее сидела ее сестра Стэня Зноско, совсем молоденькая девушка с очень рассудительным видом. Дамы ходили в белых швейцарских платьях, и сквозь шитье на груди у них голубели банты рубашек. За табльдотом иностранки произвели впечатление. Бельгийка кивала головой Мечке и громко пояснила дочери, что это польки. Коммивояжер находил польский язык похожим на английский, а парижанка не понимала, почему польские романы так скучны.

– Они еще скучнее русских... это прямо смешно.

На другом конце стола доктор поднял старый спор о воспитании девушек. Он требовал, чтобы он знали в совершенстве курсы акушерства.

Дамы пришли в ужас. Парижанка храбро приняла сторону доктора.

Мечка рассказала Лузовским, что встретила здесь недавно ксендза Игнатия Рафалко и Юраша.

Яркая краска залила лицо Тэкли.

– Да, – сказала она глубоким голосом, – но ксендз Игнатий уже уехал в Россию.

Лузовский странно засмеялся. Мечка посмотрела на него. Сначала он производил впечатление уроды, – длинный, худой, с огромным горбатым носом. Потом это впечатление исчезало и не возвращалось.

– Ксендз Игнатий имеет огромное влияние на мою жену, – заметил он.

Стэня пожала плечами.

– Если бы ксендза Пшелуцкого не убили, все было бы иначе, – спокойно возразила она.

И на удивленно-вопросительный взгляд Мечки Стэня рассказала печальную историю.

Ксендза Пшелуцкого убили на свадьбе Тэкли, когда он проходил пустырь около дома, чтобы сесть на извозчика. Музыка в саду заглушила его крики. Хулиганы были пойманы и посланы на шесть лет в каторгу. Удары они наносили камнями и бутылками... Да, это было ужасно...

– Замолчи, Стэня, – попросила Тэкли, бледнея.

Потрясенная Мечка молчала.

Лузовский заметил, что он знает только одного порядочного ксендза – это ксендза Ришарда Иодко. Но он держит себя, как светский, богат и эпикуреец.

Скоро он приедет сюда.

После десерта Лузовские простились, обещая навещать Мечку.
Мадам Гоншэ снова ждала ее на лестнице.

Кто такие эти иностранцы? Может быть, *cette petite femme* только потаскушка? Тогда нужно набавить цену на комнаты.

– Откуда у вас подобные мысли? – сухо отозвалась Мечка, – они вполне приличные люди.

* * *

Целую неделю шел непрерывный дождь. Несмотря на это, национальные торжества протекали в большом великолепии. Отели переполнялись иностранцами и приезжими из Лозанны, Цюриха, Монтрё. От утра до вечера то там, то сям играла музыка, маршировали взрослые и дети, а к окнам бросались любопытные. На почте была давка. Несколько безобразных, банальнейших арок с надписью «Добро пожаловать» выросло на главных улицах.

Мальчишки продавали жетоны и медали в честь этих дней.

В садах дождь стекал ручьями с деревьев, мят траву, платье, портил прически и шляпы дам, тогда забирались на веранды, беседки, но все-таки танцевали, пели, пили и ели.

Ежедневно город бывал иллюминирован. Цепи разноцветных фонариков повисали на мостах, унизывали дома, балконы, горели на лодках. В казино давались балы и концерты.

У мадам Гоншэ теперь обедали не в определенное время, и столовая была полна новыми людьми. Молодая бельгийка пользовалась большим успехом и оказалась любительницей маленьких кутежей. Ее дочь, сидя в кухне мадам Гоншэ, помогала чистить фрукты, за что получала тартинку с вареньем.

Тэкли уехала с мужем в горы, а Стэня осталась. Она занялась разборкой белья, платьев, счетами Лузовских и писала длинные хозяйственные письма к их экономке. Потом она навещала Мечку, спокойная, чинная, нарядная, и, беря в руки какую-нибудь религиозную книгу, спрашивала равнодушно:

– Это очень интересно, не правда ли?

Сама она ничего не читала. Она рассказала Мечке, что обыкновенно живет с бабушкой и младшей сестрой Янкой Б. «Бабця» больна ногами, Янка посещает рисовальную школу, все хозяйство на Стэне. Летом же она гостит у старшей сестры, Тэкли.

Однажды она заметила, изнемогая от гнева, что сестра слишком мучает Ивона, а тот заслуживает лучшей участи.

– Подумать только, ведь Тэкли была влюблена в ксендза Пшелуцкого... Она едва с ума не сошла, когда его убили... ну! С нее должно быть достаточно... Но теперь она подчиняется, как собачонка, ксендзу Игнатию... О...

После этого взрыва она стихла, оправила платье, как будто стряхнула что-то и предложила Мечке погулять. Но Мечка собиралась к вечерне. Стэня покачала головой. Ну, нет... туда она не ходит... Даже ксендз Иодко не мог заставить ее поверить, а она уважала его. Она слишком положительно и твердо ступает по земле.

– Вы никогда не задумывались над религией, Стэня?

– Потеря времени.

– Может быть, ваше воспитание...

– Нет. Бабця – верующая. Тэкли – ханжа. Янка – трусиха насчет Бога. А я равнодушна.

Мечка чувствовала себя дурно. Вороха религиозных книг лежали у нее по столам. Ах, если бы только стиль этих «творений» был лучше! Ей попались на польском языке письма ксендза Антония Шандляревского к Божене. Эта книга показалась Мечке абсолютно прекрасной. И ксендз Антоний и Божена умерли в разлуке. Она думала о них с глубокой печалью, взволнованная трагизмом любви. Потом она жадно читала, перечитывала Эрнеста Гелло. Он явился для нее откровением.

В библиотеке старичок заведующий спрашивал ее уже вторично:

– Мадам конвертитка?

Мечка рассердилась.

– Вы находите, что только конвертитки могут интересоваться католичеством?

Он пожал плечами.

– Я не люблю крайностей. Недавно помешалась моя молоденькая служанка. Сначала она пела псалмы, разглаживая юбки моей жены, потом стала ежедневно бегать на исповедь, таскать от аббата брошюры, образки, медальки на голубой ленточке. Затем она стала беседовать с Иисусом и, наконец, приобщилась к сонму святых жен... да... С тех пор она только смеется и кормит собой паразитов. Религия – опасная игрушка.

Он вытер очки и положил на место книги: «Причастие – моя жизнь», «Осушенные слезы», *Sursum corda*, принесенные обратно Мечкой.

– Конечно, я против Хиникви, – бормотал он, – я считаю Хиникви продувной бестией... Однако аббаты симпатичнее издали.

Он расстроил Мечку.

Теперь она облюбовала себе крошечную, светлую кофейню против собора. Этот собор был отнят у католиков протестантами, о чем часто вспоминали жители и газеты католического направления.

Мечка медленно выпивала свой шоколад, задумчиво глядя, как гнулись деревья вокруг зеленовато-серых стен собора.

Не менее часто заходила она в магазинчик сестер Дэррип. Здесь продавалась костельная утварь, распятия, статуэтки Мадонны и святых, молитвенники. Мечка встречала тут «голубую монахиню», сестру Берту, приносившую белье и разные вышивки. Все они говорили о религии.

Мечка интересовалась лучшими проповедниками и хотела узнать, не было ли легенд о местных костёлах или чудес в окрестностях. Старшая Дэррип жаловалась, что костёлы беднеют и *ses pauvres pretres* голодают. Ее сестра ядовито замечала, что женщины стали умнее и реже влюбляются, и в бога, и в сатану. Сытое лицо монахини выражало полное равнодушие. Она не понимала столь длинных разговоров о столь скучных вещах. Но монахиня веселела, когда речь заходила об аббатах. По их мнению, кюре – аскет и человек тяжелый, за аббатом Гюне водились темные денежные делишки, а этот милый аббат Клоз любезен только с молоденькими прихожанками. Аббат Вальди исповедывал чересчур коротко, аббат Липэн заставлял краснеть. Конечно, стоило послушать проповедь старого миссионера, но гораздо лучше дождаться очереди аббата Савари.

Они пускались в интимные подробности и оказывались очень догадливыми. Но, несмотря на чудовищные обвинения, которые она возводила на своих исповедников, их все-таки тянуло к клиру и они были готовы выцарапать глаза за каждую сутану. Эти разговоры смущали Мечку. Пристыженная, она, однако, не трогалась с места. Все равно лил дождь, было хмуро, скучно, а Лузовские и Стэня гостили в Монтрё.

Звонили к вечерне. Мечка торопливо прощалась. Теперь она посещала исключительно *Notre-Dame de Raquis*. Здесь все конфессионалы всегда были заняты. Это заражало. Костёл жил, работал. Ее местечко было против конфессионала аббата Клоз. Часто она провожала глазами белокурого спокойного аббата, изящно носившего свою кружевную комжу.

Мечка успокаивалась только тогда, когда раздавался знакомый, любимый псалом *Dixit Dominus Domino meo*...

Пел мужской голос, и его Мечка запомнила на всю свою жизнь. Она умышленно ничего не узнала о нем. Тончайшая восторженная благодарность осталась в ней. Она думала, что так можно петь лишь в экстазе, петь, будучи святым. Она оставалась на коленях целую вечерню, с закрытыми глазами, почти страдая от восторга.

Дома она отрезвлялась и находила свое поведение истеричным. А после нового взрыва неверия, возмущения и насмешки над самой собою она кончила тем, что очутилась перед окошечком конфессионала, зеленая занавесочка изнутри отдернулась, и резкий профиль аббата Клоз нагнулся к ней: «Eh bien, mon enfant!»...

Его метод был прост и наивен. Аббат требовал хорошего стола и крепкого сна.

Он нашел сомнения Мечки несущественными.

– Кто сомневается в Боге, тот в Него верит. Это не я говорю, это давно сказано кем-то.

Он зазвал ее к себе и дал книгу, от которой можно было возненавидеть католичество.

«Наши ксендзы умнее», – подумала она, разочарованная.

На другой день месса была в шесть часов утра. Мечка встала с головной болью и когда приняла облатки, ей показалось, что она теряет сознание от слабости.

Освященный алтарь, аббат, мальчик со свечой и колокольчиком, белая пелена баллюстрады раздвоились и поплыли у нее перед глазами. Она еле дотащилась до своей скамьи и не нашла в причастии никакой радости.

* * *

Арки, выстроенные в честь празднеств, давно снесли, а дождь продолжался. Он даже как будто усилился. На улицах месили бело-серую грязь, и все шли крадущимся шагом, держась ближе к домам. Многие бежали в горы. Мечка лежала больная. Кашель и лихорадка измучили ее. Руки и лицо приняли желтоватый отблеск. Она очень страдала от невозможности посещать мессу.

Лузовский получил дурные известия из России, где он имел крупное торговое дело. Поэтому Стэня целые дни писала под его диктовку и уединялась с ним на прогулки. Тэкли часто уезжала, но все-таки она не забывала Мечку.

Мечка испытывала к ней нежность, хотя не любила таких женщин, как Тэкли. Она находила ее чересчур терпимой к людям. Для Тэкли не было непростительного поступка. Она даже жалела подлецов какой-то особой жалостью. Мечка хорошо представляла себе Тэкли, и в институте, и в семье, и замужем. Везде она тихая, кроткая и слегка удивленная. Мечка понимала также ее веру: слепую и сказочную. Может быть, в глубине души она не отрицала ни фей, ни русалок, ни заколдованных принцесс. Еще яснее была для Мечки драма Тэкли – любовь к убитому ксендзу Пшелуцкому. Тут не помогли бы никакие анализы и успокоения. Она считала ее чем-то, действительно, позорным и только недоумевала, почему такой ужас стряся именно над ней. Она была загипнотизирована прошлым. Она всегда возвращалась к нему, воскрешала его умышленно. Она пргвзжала к Мечк обыкновенно в сумерках. На ней был темный костюм, дорогие меха, длинный шелковый шарф, от которого пахло тонко и сладко. Она садилась близехонько и радостно говорила о близком отъезде в Россию... Как-то она призналась в тоске, что брачная жизнь с Лузовским представляется ей кошмаром.

– Я не могу выносить ласк. Не могу...

Ее глаза наполнились слезами и ужасом.

– Но почему же вы не уйдете?..

– Разве ксендз Игнатий позволит?..

Мечка покачала головой. Она находила Тэкли несколько странной женщиной. Ей доставило огромное удовольствие провести ее пешком по тихим, пустым улицам.

Дождь кончился. От садов веяло глубокой свежестью. Ветки роняли крупные капли. Несколько бледных звезд заблудились среди туч.

Лузовские уехали.

Мечка не поправлялась. Доктор неодобрительно относился к ее одиночеству.

В отеле ничего не имели против того, чтобы ее комната освободилась.

О больной прислала справиться мадам Гоншэ, крайне недовольная отъездом Лузовских. Наконец, когда все уже листья пожелтели, Мечка встала.

Месье Жорж снес ее вещи на новую квартиру. Он ни за что не хотел, чтобы она взяла экипаж. Тронутая, она щедро расплатилась с ним.

Теперь Мечка жила у какого-то немца, где был сад, цветники и шумный, прозрачный фонтан, делающий два прыжка – с камней на площадку, и с площадки в бассейн.

Она снова ходила на мессу и снова читала религиозные томики с надушенными названиями. Втайне она сознавала, что в своих религиозных исканиях и порывах топталась на месте. Правда, она исповедывалась и причащалась каждую субботу. Но это доставляло ее совести очень небольшое облегчение. Аббаты были терпеливы, благожелательны и бессильны. Аббат Клоз недавно отказал вести ее душу, холодную и как бы засохшую. Он резко предостерегал Мечку от излишнего анализа. В унынии она роптала. Слепая вера умерла еще в юности, изнасилованная прозой и пошлостью. Вера через разум не могла зародиться, ибо Мечке не доставало знаний. Она могла применить к себе слова Мицкевича: «Через чудо – это слишком скоро, через науку – это слишком долго».

Мечка молилась перед распятием, раны которого оживали при закате. Она распростиралась на полу, когда аббат высоко поднимал Бога, ставшего плотью и укрытого в солнце облачки. Она вкладывала всю душу в кротчайшую из молитв: «Ангел Божий возвестил Деве Марии», и рыдала в иступлении, повторяя слова псалма *Exaudi manus meas ad te...*

Если она оставалась холодной к самому Богу, тем пламеннее любила Его алтари. С упоением слушала она *irfeme* и орган, не пропускала ни месс, ни вечерен, мечтала о богомольном путешествии в Рим, Лурд или Ченстохов. Она всем сердцем прилепилась к готическим, воздушным куполам, расписным окнам, благоухающим алтарям и темным притворам. Она была заморожена изяществом ветхих, тускло-золотых покрывал, мелодичным звяканьем матовых каминов, белизной длинных кружев на комжах аббатов, благородной роскошью их орнаментов. Конфессионалы с таинственными занавесками волновали ее до изнеможения, и она влюблялась в тишину, насыщенную подавленными вздохами, ароматами и любовью.

Таким образом, она стала католичкой без Бога, верной служанкой без господина, фанатичной рабыней мертвых вещей, миражных настроений. Она усвоила себе языческое обожание ритуала, горячую любовь к клиру. Она так иступленно полюбила форму, что стала довольствоваться ею, как чем-то настоящим, божественным, сверхъестественным. Правда, порой ее душа достигала экстаза и низводила с неба Божество, равнодушное к мольбам и страданию. Правда, временами она чувствовала Бога, почти осязала Его. Временами она снова переполнялась высшей, трепетной, пламенной любовью к Иисусу. И как ни редки были эти минуты благодати, чистоты, прозрачности сердца, они сильно укрепляли Мечку. Воспоминание о них не умирало в ее душе, и когда тоска по небу превышала силы, она шла к ним на поклонение.

* * *

Однажды, сидя в саду, Мечка услышала скрип щебня. Она оглянулась.

К ней шел высокий, широкоплечий, немолодой ксендз, держа в руках соломенную шляпу. Она заметила белизну его лба, красивую форму головы, резкое противоречие между внимательным, пронизательным взглядом и очень нежным рисунком рта. Но даже и в губах было противоречие, – он были чувственны, добры, насмешливы и скорбны. Это противоречие восхитило Мечку. Она встала навстречу, улыбаясь.

Он представился.

– Ксендз Ришард Иодко.

Он сел на скамью, как раз против Мечки у фонтана, и рассказал, что привез поклоны от Лузовских. Тэкля прихворнула дорогой. Эта маленькая женщина недолговечна, без сомнения! Стэня уже уехала к бабушке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.